ГЛАВА 16

ТЭЙЛОР КУК

АКАДЕМИЯ ГВАРДЕЙЦЕВ ЗЕМЛИ—ПОЙНТ РЕЙЕС, КАЛИФОРНИЯ

Первые несколько недель Тейлор в Академии были настолько насыщенными, что у нее даже не было времени тосковать по дому.

После встречи с доктором Чен, на которой проводилась оценка ее академической успеваемости, Тейлор получила полное расписание занятий. Она начинала каждый день с жестких занятий по органической химии и тригонометрии – двух предметов, на которых она сразу же чувствовала себя загруженной. Преподаватели в Академии отличались от тех, что были дома – они быстро говорили, были проницательными, увлеченными и требовательными.

После того, как ее мозг должным образом раскачивался, Тейлор заканчивала свой школьный день изучением европейской истории, а затем и классической литературы. Во время истории Тейлор привыкла сидеть сзади, не высовываясь, в безопасности. Иногда по комнате буквально летали предметы. При таком разнородном контингенте, групповые обсуждения часто выливались в напряженные споры. На второй день Тейлор стала свидетелем того, как девушка приморозила руки соседа к его столу во время одного из таких скандалов на тему социализма. Уроки литературы действительно нравились Тейлор. Это всегда был ее самый любимый предмет, но дома ее одноклассники не были такими увлеченными участниками. В Академии большинству других ребят всегда было что сказать, благо их книжные дискуссии, были намного мягче, чем исторические.

– Я помню, что миссис Рейнольдс приходилось принуждать всех к обсуждению "Алой буквы", – рассказывала Тейлор отцу по телефону, вспоминая о своем учителе английского языка в девятом классе. – Это было как медленное выдергивание зубов. Раньше мне было так неловко поднимать руку.

– Дерзай, – ответил ее отец, его улыбка была почти ощутима. – Раньше я не высовывался, притворялся спящим, пока преподаватель не отходил. Хотя в те дни тебя ударили бы линейкой…

– Здесь все так по-другому, – Тейлор понизила голос, несмотря на то что уголок студенческого центра с общими телефонами был совершенно пуст. – Всем этим ребятам есть, что сказать. У них так много разных взглядов. Один парень вступил в спор с нашим учителем, так как думал, что Шекспира на самом деле не существовало. Никто бы никогда не выдвинул такую безумную теорию в Тернер, не говоря уже о том, чтобы обсуждать ее с учителем.

– Так, подожди, – пошутил ее отец. – Шекспир настоящий или нет?

– Они все так уверены в себе, – продолжила Тейлор. – Как будто из-за того, что у них есть

Наследия, все они стали внезапно отмечены величием.

– Ну, вы, супермощные ребята – избранные, – сказал ее отец. Тейлор засмеялась. – Не знаю, почему ты смеешься, малыш. Ты ведь одна из них.

Тейлор до сих пор не могла в это поверить.

– Ты же знаешь, что они записывают все телефонные разговоры, да? – презрительно сообщила однажды ночью Изабела, когда Тейлор вернулась после ночного разговора с отцом. – Вот почему у нас нет мобильных телефонов. Нет никакого уединения. И в интернете тоже. Подумай о ресурсах, которыми располагает Академия, а? У нас у всех должны быть ноутбуки. Два ноутбука! Но мы должны ходить в компьютерную лабораторию, как люди из третьего мира в 90-х годах. Все, чтобы они могли следить за нами.

Во время своих разглагольствований, Изабела лежала на диване в их общей комнате, ее ноги были перекинуты через Лофтона. За несколько недель учебы в Академии Тейлор узнала, что он – нечто вроде предмета интерьера в их комнате. Она начала думать о нем, как о красивой мебели.

– Подожди, – встревожился Лофтон. – Они отслеживают наше пользование интернетом?

Изабела подняла бровь.

– Почему ты говоришь так обеспокоенно, а? Что ты смотрел?

– Ничего, – быстро сказал он.

– Извращенец, – Изабела презрительно замахала руками. – Не прикасайся ко мне.

– Все равно, – сказала Тейлор, переводя разговор в сторону от привычек Лофтона просматривать сайты. – Я просто разговариваю с отцом. Меня не волнует, слушают они или нет, если это вообще правда.

– Конечно, это правда! – воскликнула Изабела. Она быстро двинулась дальше. – Твой отец скоро приедет в гости, да?

– В следующем месяце – хмуро ответила Тейлор. Академия разрешала посещение родственников только раз в месяц, а она приехала сразу после последнего Дня семьи. Прошло слишком много времени с тех пор, как она воочию видела своего отца.

– Отец Тейлор – мускулистый фермер и холостяк. Я с нетерпением жду встречи с ним, – объяснила Лофтону Изабела.

Тейлор застонала:

– Ты ужасна. Мне нужно делать домашку.

И у нее действительно было много заданий. Эссе и рабочие тетради, лабораторные отчёты, а также несколько небольших повседневных обязанностей. Каждый вечер ей приходилось использовать телекинез, чтобы левитировать зерна риса – не все сразу, а по одному – и подсчитывать, сколько она сможет удержать, прежде чем уронит хотя бы одно. Телекинетическая точность, как вскоре узнала Тейлор, была намного сложнее, чем грубая сила. К концу второй недели она достигла тридцати семи.

– Очень хорошо! – с энтузиазмом сказал Копано, когда она сообщила ему. – Я могу удержать только двадцать девять. Рис! Я бы лучше приготовил и съел его.

Очередной день, еще шесть часов занятий, после чего еще несколько часов интенсивных физических нагрузок в тренировочном лагере. У Тейлор и Копано не было совместных занятий, поэтому они частенько находили друг друга во время занятий в тренажерном зале. Они тренировали телекинез, бросая предметы туда-сюда, болтая о своих деньках в этом странном новом месте. Им не разрешали пока преодолевать полосу препятствий – пугающее испытание из веревок и колючей проволоки, ям и водяных ловушек, управление которой обеспечивалось ИИ, адаптирующемся к их способностям. Они наблюдали со стороны, как их одноклассники пытались пройти трассу, и возвращались окровавленными, в синяках, так и не сумев добраться до выключателя в конце полосы.

Регулярные упражнения также проходили под бдительным присмотром сотрудников Академии – фитнес-профессионалов, которые были столь же впечатляюще дипломированы, как и профессора. Копано гнался за Тейлор по трассе, отдуваясь и пыхтя, не успевая за ее темпом. В свою очередь, Тейлор с трепетом смотрела, как Копано скручивает гигантские штанги.

Копано подмигнул ей.

– Мои мышцы зевают, – пожаловался он ей, когда без усилий скрутил еще один 150-фунтовый вес. – Эти блины по ходу дела бракованные. Если нет, то я здесь самый сильный парень. Вероятно, так и есть. Они думают, что мое Наследие – Фортем, как у Николаса, но мое Наследие совершенно отличается от его, как я думаю.

Тейлор положила руки на бедра.

– Я видела, как Николас поднимал больше ста пятидесяти.

– Я просто разогреваюсь! – защищался Копано. Он сменил руку, и Тейлор заметила, что штанга осталась подвешенной в воздухе.

Она пристально посмотрела, уличив его.

– Ты используешь свой телекинез, жулик!

– Это не так, – всплакнул Копано, оскорбившись. – Иди посмотри.

Тейлор подошла, чтобы положить одну из рук на гантель. Она попробовала заставить ее опуститься. Вместо этого она оторвалась от земли вместе с грузом, поднятым телекинезом Копано.

– Новый рекорд от могучего Копано! – закричал он.

– Опусти меня! – Тейлор рассмеялась.

В другой день у них были занятия йогой, но с изюминкой. На протяжении всего занятия их инструктор велел им держать яйцо телекинетически парящим над головой. Тейлор обнаружила, что хорошо справляется с этим упражнением. Она плавно перемещалась между растяжками – от собаки вниз до сгибания спины, а затем в устойчивую позу дерева. Ее разум прояснился, и мягкое поддерживание яйца стало второй натурой. Она уронила свое яйцо только тогда, когда Копано яростно взорвал свое во время наклонов – четвертое яйцо, которое он разбил, – и она больше не могла сдержать смех.

– Значит, они до сих пор не выяснили, как именно работает твое Наследие? – Спросила его Тейлор после занятий. Они были в Академии больше недели.

Копано выскреб из волос расплющенные кусочки яиц.

– Пока нет. Они узнали, что я твёрдый, как сталь, когда пытались тыкать меня иглами, но они не знают, почему эта способность так нестабильна или могу ли я ее контролировать. – Копано улыбнулся. – Профессор Девятый упорно хочет выстрелить в меня.

Глаза Тейлора расширились в тревоге.

– Что? Копано, это безумие!

– Я согласен. Но я также страшно взволнован этим. – Он посмотрел на нее. – Я вроде как хочу знать, что случится.

Тейлор сжала его руку.

– Копано. Прошу тебя. Не позволяй никому стрелять в себя, ладно?

Тейлор не так давно получила личный опыт работы с огнестрельными ранениями. Дабы попрактиковаться с исцеляющим Наследием, Тейлор было позволено покидать кампус на один день в неделю. В сопровождении доктора Гуда и команды хладнокровных Миротворцев со спрятанным оружием, она посещала больницу Сан-Франциско. Под предлогом "клинических исследований", Тейлор увидела множество пациентов с различными типами травм. Когда некоторые из них понимали, кто она такая, то требовали настоящего врача, но, в основном, люди, с которыми она имела дело, были милыми и жаждали выздоровления.

– У меня есть некоторый опыт работы с Наследием, как у тебя, – сказал ей доктор Гуд во время их первой поездки, возможно, чувствуя ее нервозность. – Однажды я получил крайне серьезное ранение, которое исцелил Лориенец. Процесс не причиняет вреда пациенту, и после этого я не испытывал никаких негативных последствий. Все это говорит о том, что ты можешь принести сегодня только пользу, Тейлор.

Она посмотрела на свои руки.

– Я... Я сделаю все, что смогу, наверное.

– Я также понимаю, что твое Наследие имеет пределы, учитывая, что ты новичок. Никто не ждет, что ты исцелишь всех в этой больнице. Мы пытаемся выяснить с помощью этих поездок, как раз то, где находятся твои пределы и как далеко ты можешь зайти за них, – продолжил доктор Гуд. – Что касается самого процесса, я считаю, что полезно наглядно представить процесс заживления тела и... хм... вытолкнуть положительную энергию из своего тела.

Тейлор не могла не вздохнуть от упоминания "положительной энергии". Фраза звучала как нечто из книг Новой Эры, которые мама читала перед тем, как сбежать. Однако, когда она сосредоточилась на своем первом пациенте – мужчине лет двадцати, который порезал ногу, упав с пирса, – она почувствовала, как из нее вытекает аура, о которой говорил доктор Гуд.

Порезы и синяки лечить было легче всего. Она представляла себе, как должна выглядеть кожа, направляла свою теплую энергию через руку в пациента, и плоть заживлялась под кончиками ее пальцев.

С переломами было намного тяжелее. Врачи, наблюдавшие за ней, показывали Тейлор рентгеновские снимки того места, где находится перелом. Это немного помогало. Тейлор визуализировала заполнение темной трещины в кости и постепенно ее Наследие брало верх. Стало казаться, что Тейлор может чувствовать травму. Визуализировала она или нет, ее Наследие знало, что что-то не так, и давало возможность это исправить. Когда девушка, чья рука была раздроблена в автомобильной аварии, зажала Тейлор в медвежьих объятиях, то она не смогла удержатся от головокружительной улыбки.

Тейлор встретила пациентку среднего возраста с онкологией. Женщина казалась очень хрупкой, ее голова была обмотана красочными шарфами, а влажные глаза блестели надеждой. Лимфома, сказали врачи. Женщина больше не проходила лечение, ей ничего не помогло. Тейлор сглотнула и прижала ладони к животу женщины.

Из Тейлор вытекла целебная энергия, но тут же была поглощена болезнью, которая разрасталась внутри женщины. Раньше, после завершения исцеления, Тейлор испытывала удовлетворяющее чувство воссоединения – тело пациента снова было целым, и ее Наследие отключалось. Но сейчас, с раком, ее Наследие просто требовало все больше и больше энергии, которую необходимо было вливать в женщину, а прогресс бы минимален.

Доктор Гуд вмешался.

– Тейлор, может быть, на сегодня уже достаточно.

Тейлор затерялась в работе. Прошло пять минут. Она была потной, хотя задняя часть шеи была холодной. Вообще-то, она была полностью озябшей.

– Все хорошо, милая, – успокоила ее женщина. Она убрала влажные завитки волос с лица Тейлора. – Я знала, что это маловероятно.

– Я буду продолжать пытаться, – обещала она. – Я справлюсь. Нам обеим станет лучше.

Позже Тейлор сидела в обеденном зале и перелистывала учебник по анатомии. Может быть, если она будет лучше понимать человеческое тело, то сможет улучшить эффективность своего исцеления.

– Взгляните на это, делает дополнительную работу, – заметил Копано, садясь напротив нее. – Где та девушка, которая еще пару недель назад даже не хотела здесь находиться? Хотя, я полагаю, ты хотела чего-то скучного и правильного. – Копано взглянул на схему нервной системы. – Похоже, ты это нашла.

– Не смейся, – ответила Тейлор. – Это серьезно. Я чувствовал себя как будто… как будто я действительно сделала что-то хорошее сегодня.

Выражение лица Копано сразу же изменилось.

– Я не хотел шутить. Ты уже герой, которым я только мечтаю стать. Ты меняешь жизни. Разве это не удивительно?

– Это… – Тейлор почувствовала, как ее лицо бросает в жар. Она не могла не согласиться. – Так и есть. Да.

– Ага! Наконец-то ты признаешь это! – воскликнул Копано, его безудержная улыбка вырвалась наружу.

Тейлор покачала головой.

– Я просто… Мне нужно стать лучше. Это трудно объяснить, но… Я чувствовала силу внутри себя… и я чувствовала, как она начинает постепенно ослабевать, чем больше я ею пользовалась.

– Я знаю это чувство. Как головная боль, которую мы испытываем, когда используем чересчур много телекинеза.

– У меня никогда такого не было.

– Нет? Ну, ты ведь никогда не левитировала своим младшим братом восемь часов подряд.

– Это чувство было другим. – Тейлор пыталась найти подходящие слова. – Мое Наследие было подобно солнцу, живущему внутри меня. И каждый раз, когда я исцеляла кого-то, оно становилось чуть тусклее, чуть ближе к закату. Но под конец дня я все еще чувствовала тепло моего Наследия, а это… это было похоже на ночь, понимаешь? Я понимала, что в конце концов солнце вернётся, но не могла больше нести свет. В этом есть какой-то смысл?

Копано уставился на нее.

– Так и есть. Это как поэзия.

– Да, да, – Тейлор махнула рукой. – Суть в том, что мне нужно придумать, как сделать солнце ярче.

– Я не сомневаюсь, что ты добьешься успеха, – твердо сказал Копано.

Лежа вечером в постели, Тейлор поняла, что волнуется о завтрашнем дне. О ее необычных и порой бурных занятиях, о ее тренировках, о дружбе с Изабелой и Копано. Она чувствовала себя почти виноватой, когда думала об отце, потому что она начала привыкать к этому месту.

Так что, естественно, тогда и начались кошмары.

Во сне Тейлор вернулась на свою ферму. Трава заросла и покачивалась вокруг ее ног. Что-то привлекло ее внимания – кровь на изумрудно-зеленой траве.

– Папа? – закричала она.

Ее ферма выглядела обветшалой. Стены были опалены, жалюзи криво висели на окнах, крыша просела. Что-то было на крыльце. В кресле-качалке ее отца. Это было тело? Скелет? Это был… ?

Кто-то за её спиной хихикнул. Тейлор резко развернулась. Она увидела проповедника Жнецов, черная бандана прикрывала нижнюю половину его лица. Он вел что-то на поводке – существо, серокожее и пресмыкающееся, но с гигантскими конечностями огромной гориллы. Эта слюнявая тварь, облизывала своим длинным фиолетовым языком ряды бритвенно-острых зубов. Она смотрела на нее через пустые черные глазницы.

– Мерзость! – закричал проповедник.

Он спустил поводок. Зверь накинулся на нее. Она пыталась бежать, но...

Тейлор очнулась с едва сдерживаемым криком, задыхаясь, в холодном поту.

Содрогаясь, девушка выбралась из своей комнаты, по-прежнему находясь в полусонном состоянии. В общей комнате она подошла к их мини-холодильнику и схватила бутылку воды. Ее руки тряслись. Она хотела позвонить отцу, но студенческий центр в это время суток был закрыт.

Вместо этого она осторожно постучала в дверь Изабелы. Она помнила политику Изабелы по поводу пижамных вечеринок с секретами – мы не дети! – но это не то, что сейчас было на уме у Тейлор. Ей нужно было, чтобы ветренная бразильянка сказала ей, что она ведёт себя глупо, и велела вернуться в свою постель. Ей нужно было побыть не в одиночестве, всего пару минут.

Когда Изабела не ответила, Тейлор осторожно приоткрыла дверь и прошептала:

– Изабела? Ты не спишь?

Тейлор сумела открыть дверь всего на фут, прежде чем та во что-то врезалась. В тумбочку, зачем-то придвинутую близко к двери. Когда Тейлор оттолкнула ее, металлический колокольчик, лежащий на ней, пронзительно зазвонил. Словно Изабела заминировала свою комнату.

– Изз? Какого черта? – пробормотала себе под нос Тейлор, за мгновение до того, как темная фигура выскочила из кровати Изабелы.

На мгновение Тейлор подумала, что снова вернулась в свой кошмар. При лунном свете, сквозь узкую дверную щель, Тейлор не могла быть уверена в том, что именно она видела. Фигура была похожа на Изабелу – стройное тело, буйные чёрные волосы – но лицо было искаженным и неправильным, все в рубцах и шрамах, как жуткая маска на Хэллоуин.

Призрак закричал на Тейлор используя язык, которого она не понимала. Это был португальский? Жестким телекинетическим ударом дверь захлопнулась перед ее лицом.

Ошеломленная Тейлор сделала шаг назад.

– Все в порядке?

Рен стояла в дверном проеме своей комнаты с взъерошенными волосами. За те недели, что они жили вместе, Тейлор редко общалась с Рен. Японская девушка была вежливой и приятной, но в основном держалась особняком и мало что рассказывала. Изабела сказала Тейлор не принимать это на свой счет; Рен была такой со всеми. Ну, со всеми, кроме того стройного британского мальчика Найджела.

Тейлор оглянулась на закрытую дверь Изабелы, не понимая, что она только что видела и о чем можно рассказать Рен. В конце концов, она кивнула, потерев глаза.

– Да, все в порядке. Мне просто… приснился плохой сон. Извини, что разбудила тебя.

– Я уже не спала, – сказала Рен.

– Хорошо. Ну, спокойной ночи.

Рен ничего не ответила, но так и осталась стоять в дверях. Чувствуя, что на одну ночь ей уже достаточно странностей, Тейлор с опущенной головой поплелась в свою комнату.

Когда Тейлор была уже почти у двери, Рен тихо произнесла:

– Мне тоже снятся кошмары.

Тейлор вернулась.

– Правда? Тебе?

Рен кивнула.

– С момента вторжения. Почему тебя это удивляет?

– Я не знаю. Ты просто кажешься такой… – Тейлор пожала плечами. – Сильной, наверное.

Рен мгновение изучала Тейлор. Потом она отошла в сторону, жестом указывая в свою комнату.

– Хочешь поговорить о том, что тебе приснилось?

– Я… – предложение ошарашило Тейлор, но через мгновение она кивнула. – Хорошо.

Конечно.

Той ночью, сидя рядом с Рен на кровати, Тейлор поведала соседке о своей ферме, о Жнецах и отвратительном существе, которое искалечило ее. Рен молчала на протяжении всего рассказа. В конце истории, Рен продолжала неподвижно сидеть, ее глаза были закрыты. Тейлор подумала, что девушка заснула. Она зевнула, ее глаза стали тяжелыми.

– Эти сны, они творения тьмы, – прошептала Рен, не открывая глаз. – Когда мы говорим о них, мы вытаскиваем их на свет. Мы осознаем, что они больше не могут причинить нам вреда.

Тейлор надеялась, что это действительно так.

http://tl.rulate.ru/book/37144/839117